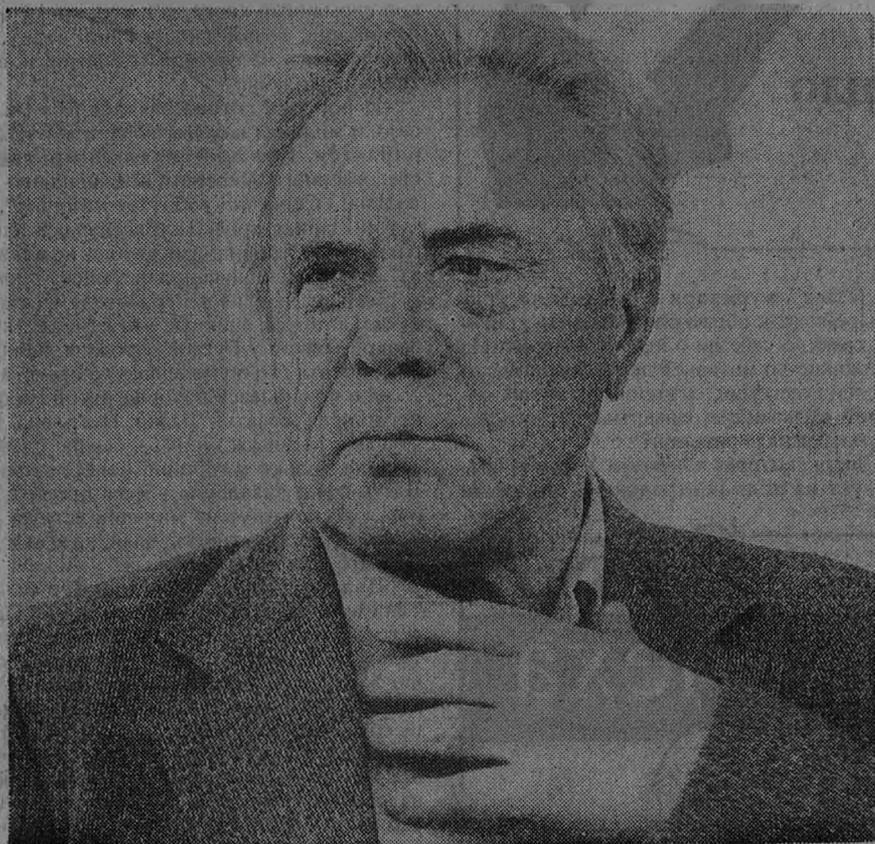

Виктору АСТАФЬЕВУ
1 МАЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 70 ЛЕТ

Художник, да будь независим!

Лит. газ. - 1994. - 27 апр. - с. 3

Юбилей Виктора Петровича Астафьева – это юбилей всей нашей литературы, а ее достоинства – это и его достоинства.

В чем-то и в ком-то наша литература, несмотря ни на что, все-таки оставалась беспартийной в течение всех минувших десятилетий. Если бы такого остатка не было – не было бы и литературы. Она кончилась хотя бы потому, что ни одно выдающееся произведение искусства никогда не было написано с партийных позиций. Вот и произведения, созданные Астафьевым, по природе своей беспартийны. Вот и Астафьева партия или должна была уничтожить на корню, или смириться с его беспартийностью.

Так же и нынче: самые разные партии делят Астафьева между собой, а он этого не замечает, он сам по себе. Вот я читаю пространное рассуждение о его романе "Прокляты и убиты" и никак не пойму, в чем дело-то, к чему эти рассуждения сводятся. Оказывается, самый симпатичный герой романа хоть и право-славный, но старообрядец! Ах, Виктор Петрович, Виктор Петрович, ну как вы могли допустить? Мы вас уважаем, но где же ваша бдительность? (Подлинно большевистский подход!)

Однако же отметить собственное семидесятилетие под знаком такой вот независимости – это большая честь! Независимость – неперемный знак подлинного художника.

А еще мы делим писателей на фантастов и реалистов, одни пишут "из головы", другие "из жизни". И если уж "из головы", если уж придумывать, так только так, чтобы самой жизни дать сто очков вперед. Чтобы реализму вообще нечего было делать на белом свете. Если же наша действительность так сложна (а писать о ней так хочется!), что понять ее невозможно, нет сил, тогда автору не остается ничего другого, как представить самого себя еще сложнее этой действительности и тем самым ошеломить читателя: "Вот я какой немислимый!"

Кому-кому, но Астафьеву и это лу-

качество ни к чему – иначе и быть не может. Что там, положим, "Детства" корифеев нашей литературы по сравнению с детством нашего юбиляра? Кто из них беспризорничал в заполярном городе Норильске? В годы голодные, арестантские?

А юность, которую в высоком звании рядового он прошел, превозмогая себя, дорогами такой страшной войны, какой была наша последняя Отечественная?

И вручать эту собственную жизнь фантазии было бы для Астафьева таким грехопадением, на которое он никогда способен не был. На то он и Астафьев.

К тому же это фантастическое поверие рано или поздно, но пройдет. Время, когда оно становится прошлым, начинает просматриваться, как стеклышко, – без этого неукоснительного закона не могло бы, наверное, возникнуть и такого понятия, как понятие истины. А когда так, то наш дорогой юбиляр (я наша литература опять-таки) обязательно сыграт ту истинную роль, о которой сегодня мы только догадываемся, о которой мечтаем.

Так что учти, дорогой Виктор Петрович, твои семьдесят – это едва ли не младенческий возраст литературы, которую ты создавал и создаешь.

Ну, а за те сорок, которые я тебя читаю, начиная с "Сибирских огней" и далее, и далее, за годы нашего сотрудничества в редколлегии "Нового мира" у меня накапливаются, все накапливаются наблюдения за твоим творчеством, а одновременно я будто в первый раз убеждаюсь: далеко не все наши чувства, предчувствия и даже фактические знания можно выразить с помощью алфавита.

И все-таки я сделаю еще одну попытку, я скажу: твое дело, друг мой, -- жить, переживать за себя и за нас, других, а дело времени – хранить тебя, художника, долгие и долгие годы!

Сергей ЗАЛЫГИН